

Рикардо Гуиральдес
Одиночество

Перевод Павла Алешина

Рикардо Гуиральдес

Одиночество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47410615

ISBN 9785005054012

Аннотация

В книге представлены переводы стихотворений в прозе писателя и поэта Рикардо Гуиральдеса (1886–1927), автора знакового для аргентинской литературы романа «Дон Сегундо Сомбра», старшего современника Хорхе Луиса Борхеса.

Содержание

Рикардо Гуиральдес	5
Из книги «Стеклянный колокольчик» (1915)	11
Предисловие	11
Из раздела «Деревенское»	12
Моя лошадь	12
Триптих	13
Легенда	15
Одиночество	16
Сиеста	17
Вечер	18
Покой	19
Крик	20
Из раздела «Звездные моления»	21
Отдых	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Одиночество

Рикардо Гуиральдес

Иллюстратор Елена Алешина

Переводчик Павел Алешин

© Рикардо Гуиральдес, 2019

© Елена Алешина, иллюстрации, 2019

© Павел Алешин, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-5401-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рикардо Гуиральдес

*Забвенью не подвластно благородство;
оно первейшим было проявленьем
его сердечности, приметой верной
его души, как светлый полдень, ясной.
Я не забуду также и живое
изящное лицо, и безмятежность,
и славы отсветы, и отблеск смерти,
и руку, что гитару вопрошала.
Как в сновиденье зеркала чистейшем
(реальность – ты, я – только отраженье)
я вижу, как беседуешь ты с нами
на улице Кинтана. Здесь ты, мертвый.
И лошадей заря – безмерность поля
прошедшего – теперь твоя, Рикардо.*

Хорхе Луис Борхес

Имя Рикардо Гуиральдеса (1886—1927), в отличие от имени Хорхе Луиса Борхеса, вряд ли о чем-то говорит широкому российскому читателю, даже любящему латиноамериканскую литературу. Как и иностранному читателю, интересующемуся русской культурой, скорее всего, мало известны имена В. А. Жуковского или К. Н. Батюшкова, хотя без них, конечно, невозможно было бы становление гения А. С. Пушкина. В этом плане Рикардо Гуиральдеса можно сравнить с ближайшими предшественниками Пушкина: он был одним из тех, кто подготовил аргентинскую литературу

ру к появлению в ней Борхеса и даже помогал ему в начале его литературного пути. Сам Борхес с теплотой вспоминал Гуиральдеса в своих «Автобиографических заметках»: «В 1924 году я вошел в две литературные группы. Одна, воспоминание о которой мне и сейчас приятно, сложилась вокруг Рикардо Гуиральдеса, тогда еще не написавшего свой роман «Дон Сегундо Сомбра». Гуиральдес отнесся ко мне очень великодушно. Я приносил ему весьма нескладные стихотворения, и он, читая между строк, догадывался, что я хотел выразить, но не смог из-за своей литературной неумелости»¹.

Рикардо Гуиральдес родился 13 февраля 1886 г. в богатой аристократической семье в Буэнос-Айресе. В 1887 г. его семья переехала на четыре года в Париж, и первым языком будущего писателя и поэта стал французский. После возвращения в Аргентину в 1890 г. семья жила либо в Буэнос-Айресе, либо в родовом имении «Ла Портенья» в городе Сан-Антонио-де-Ареко, где юный Рикардо познакомился с традициями гаучо – пастухов-скотоводов, обитателей аргентинской пампы, которых он впоследствии воспел в своем романе.

В 1904 г. Гуиральдес начал изучать архитектуру, через год решил заниматься правом и даже какое-то время работал в суде. Будучи представителем золотой молодежи, много об-

¹ Борхес Х. Л. Автобиографические заметки // Борхес Х. Л. Собрание сочинений. В 4 т. СПб., 2001. Т. 3. С. 544. Перевод Е. Лысенко.

щался с литераторами и художниками, его все больше увлекала литература. Он много читал – сначала французскую литературу (О. Бальзак, Г. Флобер, Э. Золя) затем, чтобы улучшить знание испанского языка, испанскую (Г. А. Бекер, Р. де Кампоамор) и латиноамериканскую (Р. Дарио, Л. Лугонес, Альмафуэрте, Э. Карр'еге). В 1910 г. он уехал в Париж, где окончательно решил посвятить себя литературе и где, в том числе, вместе с друзьями организовывал первые представления танго в Европе. Именно Гуиральдес ввел танго как самостоятельную тему в литературу: написанное им в 1911 г. стихотворение «Танго» – первое художественное произведение, посвященное этому яркому и уникальному феномену аргентинской культуры, изначально возникшему на окраинах Буэнос-Айреса. К раннему периоду истории танго – танго, в основе которого лежит любовная дуэль – будет на протяжении всего своего творчества обращаться и Борхес. Описание танца в его рассказе «Мужчина из Розового кафе» вторит стихотворению Гуиральдеса: «Подружка в танцах досталась мне чуткая – угадывала каждое мое движение. Танго делало с нами все, что хотело, – и подстегивало, и пьянило, и вело за собой, и опять отдавало друг другу. Все забылись в танцах, как в каком-то сне, но мне вдруг показалось, что музыка зазвучала громче, – это к ней примешались звуки гитар с фургона, который подкатывал ближе. Тут ветер, донесший брэнчание, утих, и я опять подчинился собственному

телу, и телу своей подруги, и велениям танца»².

Из Парижа Рикардо Гуиральдес отправлялся в путешествия, он посетил Испанию, Индию, Россию, Турцию, Японию и другие страны. Вернувшись в 1912 г. в Буэнос-Айрес, Гуиральдес сблизился с кружком художников и писателей, объединившихся вокруг Алехандро Бустилло, молодого архитектора и живописца, который в дальнейшем стал одной из ключевых фигур в истории аргентинской архитектуры XX в. Среди членов кружка были писательница Виктория Окампо, скульптор Альберто Лагос и будущая жена Гуиральдеса – Аделина дель Каррил (они поженились в 1913 г.). Горячие обсуждения современного искусства и поэзии вдохновляли собственные творческие поиски Гуиральдеса.

В 1915 г. вышли первые книги писателя – книга стихов «Стеклянный колокольчик» (большая ее часть – стихотворения в прозе) и «Рассказы о смерти и крови». Его поэзию, ориентированную на французский символизм и авангард, резко критиковали. Разгромную рецензию на книгу написал Л. Лугонес, обвинявший автора в чрезмерном подражании новым веяниям французской поэзии. И Гуиральдес уничтожил почти все экземпляры «Стеклянного колокольчика» (в дальнейшем он публиковал стихи только в журналах; написанные им в 1920-х гг. «Мистические стихотворения» и «Одинокие стихотворение» были изданы посмертно).

² Борхес Х. Л. Мужчина из Розового кафе // Борхес Х. Л. Собрание сочинений. В 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 286. Перевод М. Былинкиной.

Проза, близкая своей лаконичностью и повествовательной наготой по стилю Орасио Кироге, была принята лучше. Затем последовали повести «Раучо» (1917), «Росаура» (1918), «Ксаимака» (1923), и, наконец, роман «Дон Сегундо Сомбра» (1926), начатый во время очередного пребывания писателя в Париже в 1918—1920 гг. и законченный в Буэнос-Айресе. Этот роман – главное произведение писателя – сразу принес ему славу и официальное признание: в 1927 г. он был удостоен Национальной аргентинской премии по литературе и вскоре стал классикой аргентинской литературы³. Гуиральдес скончался в Париже через год после выхода «Дона Сегундо Сомбры» – 8 октября 1927 г.

Рикардо Гуиральдес сформировался как писатель и поэт в начале XX в. и вдохновлялся западноевропейским авангардом. При этом он не был сторонником идеи «искусства ради искусства», его творчество – своеобразный сплав двух основных направлений аргентинской литературы конца XIX – начала XX в. – латиноамериканского модернизма, тяготевшего к универсализму и эстетизму, и противостоящего ему костюмбризма (от исп. *costumbre* – нрав, обычай), для которого характерно стремление к отображению национального колорита и к описанию природы и быта простых людей. Роман «Дон Сегундо Сомбра», в котором воссоздан архетип

³ О романе подробнее см.: Кутейщикова В. Н. «Дон Сегундо Сомбра» Рикардо Гуиральдеса и эволюция образа гаучо в литературе Ла-Платы // Кутейщикова В. Н. Роман Латинской Америки в XX веке. М., 1964. С. 147—183.

гаучо, – знаковое высказывание писателя о проблеме национального самосознания, столь волновавшей аргентинское общество в первой половине XX в.

Произведения Гуиральдеса во многом повлияли на следующее поколение, к которому принадлежали, помимо Борхеса, Николас Оливари, Леопольдо Маречаль, Рауль Гонсалес Туньон и др. Затронутые Гуиральдесом темы и его открытия в области поэтики стали отправной точкой для их творческих поисков. Так, в некоторых стихотворениях в прозе из книги «Стеклянный колокольчик» угадываются черты прозаических миниатюр Борхеса. А то, как Гуиральдес использовал в своих стихах метафору, предвещало ультраизм – авангардистское направление, которое рассматривало метафору как самодовлеющую художественную ценность.

П. Алешин

Из книги «Стеклянный колокольчик» (1915)

Предисловие

Писать – мой порок.

Сначала были письма, затем – рассказы, теперь просто слова.

Из этих трех привычек ни одна не лучше другой.

Все то же удовольствие. От пишущего пера или от записываемой мысли.

Из раздела «Деревенское»

Моя лошадь

Это была креольская грузовая лошадь.

Она жила ради равнины.

Ее копыта были пьяны зеленью, и вечер однажды, в золотистых сумерках, влюбился в ее глаза.

Ее вскормила пампа, мятликом и клевером, и она тяжело дышала в жажде горизонта.

Линия, вечная линия, там, где покоилось небо.

На рассвете, когда ночь забывала свои звезды, она была мордой в золотую грудь, а по вечерам выбивала листья света.

Мечтательница, она вращала землю напором копыт; миру она задавала ритм.

Так ли это было на самом деле? Какая разница, если жила она недостижимым!

Триптих

Рассвет

Ночь, полная звезд; сонные, они еще мерцают, чтобы уснуть в насилии дня.

Огненный мухоед, багряная капля, начинает свое путешествие в синеве.

Диск света, непобедимый в восхождении, ранил, широко разорвав, облака, что висели над ним.

Облака кровоточат.

Полдень

Атмосфера, пропитанная солнечными атомами, тверда – и потому непригодна для дыхания.

Голубиная песня успокаивает монотонностью скорбного ритма.

Вдали, смутное, колышется поле.

Солнце, с огромными раскрытыми крыльями, парит неподвижно над миром.

Молитва

Овцы возвращаются с поля. Отстающие, самые дряхлые и больные, – словно точка большой белой фразы, которая, кажется, испаряется в пыли, обездвиженной спокойствием воздуха.

Таинственный час.

Медленно, лежа на равнине, засыпает ночь.

Легенда

Река сказала иве: «Я – жизнь, и в своем непрерывном течении я обновляю чувства».

И дерево сказало реке: «Я – поэт, разве ты не видишь, как я украшаю тебя, распуская в молитве над тобой строфы моих ветвей?».

И сказала река: «Ты можешь отправиться со мной, ты подаришь мне красоту своей песни, а я тебе – волшебство новых красот».

И ива согласилась; но с первым напором воды, хрупкая листва разбилась о камни.

И сказала ива: «Оставь меня, даже если я стану мгновением радости в твоём беге, я не могу, не разбившись, следовать за тобой все время».

И река, для которой ива уже стала бременем, перенесла ее в спокойный уголок.

Ива окрепла, и ее листья стали целовать воду.

Река продолжает свое бурное течение, но, оказываясь перед поэтом, смиряет неистовство, и воды, лелея корни, создали заводь.

Роковое волшебство окутывает это спящее место. Проходящая девушка не должна поддаваться его безмятежному зову.

Одиночество

Равнина тянется, величие теряя.
И вечер, плача багрецом, лишает силы
земли окрашенные жилы,
их очищая.

Жонкиль, в расселине растущий, голосистый,
пока что красно-золотистый,
удерживает клоки цвета,
что доживают, предаваясь тихой лени,
свои последние мгновенья.

И ни селенья, ни людей вокруг не видно.

Сиеста

Голубые твои глаза. Голубые и широкие, как медленное желание, когда усталость всей своей тяжестью давит на твои опущенные веки.

Это так!.. Пребывая в монастырском экстазе твоего взгляда, я хотел бы, чтобы душа моя отдохнула в мягкой тени, которую собирают твои ресницы.

А в это время ставни нашей комнаты одеваются солнцем.

Вечер

В безмолвном безразличии заката пампы поет баск.

Он вспоминает о склонах, и каменистых спусках, и о спокойных долинах или маленьких деревнях.

Голос плохой, сбивается. Ритм косы разрывает песню непрерывающимся волнообразным падением, словно говоря о том, что она – ничто в этом плоском безразличии заката пампы.

Овцы блеют, возвращаясь в овчарню, баск продолжает петь. Ничто!.. Отражаясь в душах, умирает солнце.

Покой

Вечер, вечер,

падает вечер.

Долог, так долог,

как цепенеющий полог:

ни звука не раздается —

так взгляд утопает в колодце.

Крик

Круглая, белая, далекая луна.

Спокойствие разлито над миром и в нас.

Предвкушение смерти.

Безмятежность.

Дуновение разбивает грудь на молитвы.

Траурный цвет.

Дорога, бледная, тянется вдаль.

Сплюсциваются нелюдимые тени.

Жаба полощет горло звуком «эрэ».

Лягушка растирает звонкие спицы.

Венера подмигивает земле своим острым глазом.

Сверчки поют стеклянные хвалы.

Ветер бормочет в ветвях, чтобы углубить тишину.

Пальмы колышутся в невидимой бледности воздуха.

Золоченые волосы Феникса пугаются ночи.

Металлические листья эвкалипта подхватывают слезные осколки луны.

Тишина засыпает.

Предвкушение смерти.

Из раздела «Звездные моления»

Отдых

Лежа на земле, в абсолютном спокойствии ночи, я наме-
чаю несоответствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.